

язык народных масс, а используется литературный язык. Это относится и к крестьянским двенадцати тезисам. Наддиалектный характер языка обнаруживается прежде всего в определенном выборе местных языковых признаков и в замене территориально ограниченных особенностей элементами «чуждой» письменной традиции. В этой связи, с одной стороны, исследуется соотношение между языком листовок и языком народных проповедей и народной драмы; с другой стороны, анализируется соотношение языка листовок с деловым и канцелярским языком. В большинстве политических листовок явления наддиалектного характера не встречаются в том объеме, который типичен, например, для языка канцелярии курфюрста Саксонского. Это позволяет сделать вывод об иных социальных источниках изучаемого языка. Автор приходит здесь к исключительно интересным положениям относительно процесса языковой унификации и нормирования. Справедливо указывается, что «диалектика этого сложного процесса заключалась в том, что на раннем историческом этапе объединительные тенденции вызвали появление дополнительных вариантов, поскольку формирование изоглоссы

широкого охвата не сразу вело к исчезновению узколокальных форм» (стр. 249). Наконец, в этой связи еще раз подчеркивается особый статус языка политической литературы восточносреднемецкого ареала (стр. 251).

Подведем итоги. Рецензируемая работа заслуживает самого большого внимания уже потому, что в ней исследуются памятники, до сих пор находившиеся вне поля зрения историков языка. Анализ производится частично на основе новых методических принципов и является великодушным примером комплексного исследования древних текстов, начиная от изучения фонетико-графических явлений вплоть до стилистической характеристики. Тем самым вносится ценный вклад не только в лингвистически фундированное описание и дифференциацию листовок, но и в методику исторических исследований языка. Используя выводы, полученные на основе описания текстов, для характеристики процессов языковой унификации и выявления закономерностей становления единой кодифицированной нормы, автор вносит свой вклад в обсуждение одной из ведущих проблем истории немецкого языка.

В. Флайшер

Перевел с немецкого М. М. Маковский

«Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы».—М., изд-во «Наука», 1971. 344 стр.

Содержание рецензируемого сборника широко. Семь разделов сборника представляют разные аспекты фонетики и фонологии: это и публикация беседы В. Н. Сидорова с молодыми сотрудниками Института русского языка АН СССР о московской фонологической школе, и рассмотрение факторов, определяющих развитие фонетической системы современного русского языка, и исследование разговорной речи и просторечия. В сборнике помещены и работы, основанные на инструментальном и шире — экспериментальном анализе звуковых явлений, интересная подборка коротких «заметок о русской фонетике» и, наконец, статьи, посвященные описанию принципов работы с фонетическим вопросником. Учитывая особую важность обсуждения некоторых общих вопросов, мы ограничились здесь рассмотрением лишь тех статей, где вопросы эти раскрыты наиболее подробно.

Речь идет, прежде всего, о причинах фонетических изменений; о том конкретном материале, который является исходным при фонетическом анализе, а также о методе анализа этого материала; наконец, о тех отношениях, которые существуют между фонологической системой современного литературного языка и под-

системами, выделяемыми на основании фонетических характеристик.

Программная статья сборника — «О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка» (авторы — М. Я. Гловинская, Н. Е. Ильина, С. М. Кузьмина, М. В. Панов). Основная мысль статьи заключается в том, что фонетическая система языка развивается в соответствии с тенденциями развития грамматики: как образно выражаются авторы, «... фонетика только чутко отвечает на потребности грамматического развития и преданно следует за ней (за грамматикой.— Л. Б.)» (стр. 21).

Считая основным направлением грамматического развития в современном русском языке стремление к аналитизму и агглютинативности, авторы рассматривают, каким образом это отражается на судьбе консонантизма и вокализма общеупотребительных слов и на судьбе фонетики редких слов.

Тенденции грамматического развития приводят, по мысли авторов, к тому, что возникает необходимость, с одной стороны, в сохранении единообразного вида морфемы в разных словах, с другой, в более резком разграничении морфем, следующих друг за другом в слове.

В области согласных, как пишут авторы, происходит ослабление позиционной зависимости звуков в потоке, которая ранее «разъедала» стык корня и аффикса, «роль диэремы, морфемного шва, возрастает» (стр. 22). Это подтверждается следующими фактами: 1) отвердение зубных¹ согласных перед мягкими губными *u[j]* ([зб']*уть* вместо старого [з'б']*уть*). «Агглютинативность торжествует» (стр. 22), так как все приставки получают единообразный фонетический облик; 2) ослабление ассимиляции согласных по месту и способу образования (*ра* [ш'ч']*истить* вместо *ра* [ш'ш']*истить*); 3) отсутствие упрощения в сочетаниях <стк>, <зdk>, <стл>, <нтск>, <стн>: *гига*[нтс]*кий* вместо *гига*[нс]*кий* и т. д.; 4) вытеснение старого [ж'] новым [ж] в результате выравнивания чередований, т. е. устранения таких чередований, которые мешают отождествить морфемы.

Аргументация в пользу усиления фонетических признаков морфемных швов и процессов «уединоображивания» фонетического облика морфемы не кажется бесспорной даже на основании того, что сказано в этой статье. К примеру, факт отвердения зубных перед губными — [з]*буть* вместо [з']*буть* — едва ли можно трактовать как свидетельство стремления к этому «уединоображиванию»: сами авторы пишут, что чередование твердых и мягких согласных «не мешает отождествлять морфемы, не усложняет процесс этого отождествления: твердые и мягкие звуки фонетически коррелятивны, т. е. связаны друг с другом уже на фонеменном (фонетическом) уровне...» (стр. 26). В чем же тогда «грамматический» смысл отвердения зубных согласных перед последующими губными?

Основной факт, подтверждающий влияние агглютинации на систему вокализма, — это разные, по мнению авторов, процессы, характеризующие безударные гласные в основе и во флексии. Речь идет в первую очередь о возможности употребления безударного гласного заднего ряда (э) после мягкого согласного. Такое употребление, по мнению авторов, несвойственно основе — [с'эм'д'ис'ит], но встречается во флексии — [кós'ът], что приводит к усилению роли морфемного шва. Вопрос о качестве заударного гласного после мягкого согласного требует специального рассмотрения, так как постулируемая в статье противоположенность флексии и нефлексии экспериментально не подтверждается. Однако рассуждения авторов относительно вокализма вызывают и другие вопросы: если имеется тенденция «уединоображивания» морфем, то почему она распро-

страняется только на флексии, оставляя в стороне основы? Почему побеждает иканье (стр. 29), которое неизбежно приводит к «разнообразному» звучанию морфемы ([п'ир'э]*еран*, но [п'ер'и]*дан*)?

Влияние грамматических тенденций развития языка на фонетический облик редких слов выражается, по мнению авторов, ярче всего в произношении долгих согласных и в произношении твердых согласных перед <э>. Сравнение произношения долгих согласных в заимствованных словах у представителей старшего и младшего поколений, проведенное М. Я. Гловинской, показало, что молодежь на 5% реже употребляет долгие согласные. Это объясняется тем, что «... долгий согласный в русском языке служит показателем стыка морфем, а распространение произношения долгих согласных в корнях заимствованных слов привело бы к потере ими этого своего значения» (стр. 31). Употребление же твердого согласного перед гласным <э> одинаково в речи обоих поколений — из этого делается вывод о том, что в открытом слоге, в связи с допустимостью и твердого и мягкого согласного перед гласным <э>, мягкость согласного «грамматизируется, становится показателем морфологического стыка» (стр. 32): *кашнэ*, но *войне*.

Заключается статья следующим образом: «Общий вывод нашего обзора достаточно прозрачен: все существенные изменения в фонетике современного русского литературного языка за последние пять-шесть десятилетий можно рассматривать как следствие грамматических процессов» (стр. 32). Однако этот вывод не подтверждается ни фактами, приводимыми в самой статье, ни данными, содержащимися в других статьях рецензируемого сборника.

Вопрос о взаимоотношении между фонетическими процессами в литературном языке и в городском просторечии — один из неясных вопросов в теории формирования нормы, и тем не менее естественно предположить, что основные тенденции развития литературной нормы определенным образом связаны с тем, что наблюдается в просторечии. Интересная статья Ж. В. Ганиева «О произношении рабочих — уроженцев г. Москвы», помещенная в сборнике непосредственно вслед за программной статьей коллектива авторов, не подтверждает гипотезы об усилении роли морфемного шва в современном произношении.

Автора интересуют в основном два вопроса: твердость — мягкость согласных в положении перед мягкими согласными (стр. 34—50) и произношение некоторых сочетаний согласных (стр. 50—52). Относительно первого вопроса Ж. В. Ганиев высказывается достаточно определенно: «Практически любое произнесение слова *списать* в этой среде будет со смяг-

¹ Здесь и ниже сохраняется терминология и транскрипция, употребляющиеся в сборнике.

чением [с'], несмотря на межморфемную границу» (стр. 37); «Не имеет заметного влияния на массовое произношение и стык между предлогом и именем» (стр. 38); «Несмотря на книжный характер и морфемную границу в сочетании а + [в'], процент твердых произнесений слова *возвел* ниже, чем у слов *свеча*, *разве...*, хотя последние — межстилевые слова и между зубным и губным границы (приставка/корень) нет» (стр. 38—39). Такие же формулировки см. на стр. 40—41, 42, 45. Все это свидетельствует о том, что влияние морфемного шва на фонетическую реализацию сочетаний согласных в живой речи едва ли так велико, как об этом говорится в первой статье.

Рассматривая произношение сочетания с + [ч'], Ж. В. Ганиев пишет следующее: «Сочетание [ш'ч'] встречается в произношении реже, чем [ш''], даже в условиях выделенной межморфемной или межсловной границы» (стр. 50). Такой вывод не согласуется с высказыванием авторов первой статьи, утверждающих, что «на стыке... морфем действительно распространяется [ш'ч']» (стр. 25).

Добавим также, что помещенное в сборнике экспериментально-фонетическое исследование Р. Ф. Пауфогимы и Д. А. Агаронова «Об условиях ассимилятивного озвончения согласных на стыке фонетических слов в русском языке» с достаточной определенностью доказывает, что процесс ассимиляции по звонкости, например, зависит не от морфемного шва, а от наличия или отсутствия синтагматической границы. Фактов, не согласующихся с основной мыслью о подчиненности фонетических процессов грамматическим, можно найти достаточно в пределах сборника.

Рассмотрим теперь, как согласуется «грамматическая гипотеза» с более ранними работами, цитируемыми авторами программной статьи. В первую очередь здесь следует упомянуть книгу из серии «Русский язык и советское общество» — «Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры» (М., 1968). В разделе, посвященном описанию безударного вокализма, мы читаем следующее: «... 2. Фонетическая система русского вокализма совершенно „отказалась от услуг“ грамматики: реализация фонем <а> и <о> целиком определяется фонетическими причинами... 3. Уменьшилось количество позиций, в которых морфемная граница фонетически выражена»². Эта характеристика дана для ситуации, сложившейся в середине XX в. — думается, что за несколько лет,

прошедших между выходом только что цитированной работы и обсуждаемой здесь статьи, вряд ли ситуация могла так сильно измениться.

Основной способ исследования звучащей речи в сборнике — слуховой. Как известно, человеческое ухо является одним из самых совершенных инструментов анализа; такие крупные отечественные фонетисты, как А. И. Томсон, Л. В. Щерба, В. А. Богородицкий проводили великодушные фонетические исследования именно при помощи слухового анализа. Поэтому ставить под вопрос правомерность такого метода было бы бессмысленно. Однако реальные возможности слухового анализа все же ограничены, особенно в тех случаях, когда его проводит лингвист, уже сформулировавший для себя определенную гипотезу. Требуется проверка слуховых наблюдений инструментальным и шире — экспериментальным путем.

Статья М. Я. Гловинской «Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке», посвященная изучению произношения двойных согласных и твердого согласного перед <э>, основана на слуховом анализе интересных автора явлений. Около 200 слов, в которых встречаются двойные согласные, были записаны на магнитную ленту в произношении большой группы информантов (около 120 человек). Для сравнения результатов, полученных при слуховом анализе, проведенном автором, с результатами прослушивания другими исследователями три слова в произношении двадцати информантов были предъявлены квалифицированным аудиторам. Такая проверка собственных наблюдений кажется автору достаточной, а объяснения того, почему не был проведен хотя бы выборочно инструментальный анализ, звучат неубедительно. По словам автора, длительность двойных согласных не исследовалась экспериментально потому, что «... еще не установлено, какое значение для оценки звука как долгого в русском языке имеют такие факторы, как реальная долгота согласного..., его интенсивность, долгота или краткость предшествующего и последующего гласного, закрытость слога» (стр. 60). Но ведь именно при исследованиях такого рода, какое проводит М. Я. Гловинская, определяя на слух долготу или краткость согласного, и имеет смысл анализировать соответствующие физические корреляты с тем, чтобы определить их значимость при восприятии. Во всяком случае, даже сравнение средних длительностей двойных и одиночных согласных в аналогичных фонетических положениях придало бы наблюдениям М. Я. Гловинской больший вес.

Непонятно объяснение того, почему не исследовались акустические характеристики твердых и мягких согласных. Неверно

² Стр. 55. Особенно удивляет то, что слова эти принадлежат одному из авторов программной статьи С. М. Кузьминой. Ср. также: С. М. Кузьмина, О фонетике заударных флексий, сб. «Развитие фонетики современного русского языка», М., 1966, стр. 24.

толкую данные, приведенные в специальной экспериментальной работе, М. Я. Гловинская полагает, что «глядя на спектрограмму согласного, невозможно однозначно определить, мягкий согласный перед нами или твердый» (стр. 61). Однако речь идет о сочетаниях согласного с гласным <э>, а за последние 10 лет появилось большое число работ, в которых показаны акустические признаки мягкости согласного, реализующиеся на соседнем гласном. Подобная аргументация, не учитывающая возможностей инструментального анализа речи, не может свидетельствовать о том, что инструментальная проверка не помогает слуховому анализу. В частности, доказательством противоположного служит уже упоминавшаяся прекрасная экспериментально-фонетическая работа Р. Ф. Пауфшмиш и Д. А. Агаронова.

К вопросу о способах получения и оценки фонетических фактов непосредственное отношение имеют статьи М. В. Панова «О том, как составлялся вопросник по произношению», Г. А. Бариновой и М. В. Панова «О том, как кодировался фонетический вопросник» и Г. А. Бариновой, Н. Е. Ильиной и С. М. Кузьминой «О том, как проверялся вопросник по произношению». Принципиальная возможность и допустимость обследования произносительных привычек по вопроснику требует специального доказательства. Оно тем более необходимо, что использование этой методики получения фонетических данных производится в широких масштабах. Знакомство с тремя статьями, посвященными вопроснику, не убеждает читателя в том, что такая методика получения фонетических сведений оправдана. В статье М. В. Панова показаны основные недостатки этой методики: зависимость ответов от фонетического слуха испытуемых, от типа вопроса, от умения информанта анализировать грамматическую структуру слова, от орфографии и, наконец, от степени усталости информанта.

Предлагаемые способы избавиться от этих недостатков дают немного. Например, в 28 пункте вопросника из пяти предлагаемых информанту слов одно — последнее — служит для контроля его внимания/степени его усталости (дается возможный и невозможный вариант произношения этого слова). Непонятно, однако, как в этом случае расценивать ошибочный ответ: устал ли информант только к моменту предъявления данного слова, или уже в самом начале 28-го вопроса, или даже несколько раньше? Малоэффективными кажутся и приемы, призванные разрушить представление об орфографическом написании: ведь речь идет не о сиюминутном воздействии буквенной последовательности, а о влиянии усвоенных человеком правил написания слов.

Сравнение результатов, полученных при работе с «Вопросником», с теми сведениями, которые были получены при анализе фраз, записанных на магнитофон, проводимое в статье Г. А. Бариновой, Н. Б. Ильиной и С. М. Кузьминой «О том, как проверялся вопросник по произношению», показывает, что действительно ответы информантов при работе с «Вопросником» часто не отражают реального произношения. В ряде случаев расхождения между данными самооценки и произношением могут быть очень велики: ср. частоты мягкого согласного (в %) по записи и по «Вопроснику»: *без них* — 88,5—29,0; *вбежала* — 81,0—20,3 и т. д. В этой статье рассматривается вопрос о том, какие факторы (кроме перечисленных в статье М. В. Панова) влияют на точность оценки собственного произношения информантов; оказывается, что наиболее точная самооценка наблюдается только в тех случаях, когда исследуемый произносительный вариант достаточно распространен. Если же возможны колебания в произношении, то и самооценки информантов сильнее расходятся с их реальным произношением. Точность самооценки зависит также и от места данного звукосочетания в слове и, наконец, от типа звукосочетания: расхождения при оценке твердости или мягкости согласного могут не совпадать с расхождениями при проверке произношения гласных в безударном слове и т. д. Авторы несколько раз говорят о том, что «использовать данные анкеты-вопросника при изучении рассмотренного произношения нужно с большой осторожностью» (стр. 337, см. стр. 342). И приведенные цифры, свидетельствующие о возможных больших расхождениях, и эти высказывания самих авторов приводят читателя к выводу, что все же лучше исследовать реальное произношение, чем ответы на «Вопросник»; окончательное мнение авторов этой статьи о том, что «в целом данные, собранные с помощью вопросников, в достаточной степени отражают реальное произношение» (стр. 342), не кажется поэтому убедительным.

Непонятно, почему расхождение между данными самооценки и реального произношения, составляющие 10—15%, считаются «несильными» (ср. 5% различий в произношении долгих и кратких согласных в речи молодежи и старшего поколения, которые М. Я. Гловинская считает существенными). Некорректно выглядят некоторые эмоциональные оценки фактов произношения, встречающиеся в статье Г. А. Бариновой и М. В. Панова «О том, как кодировался фонетический вопросник»: «... невозможно в литературной речи произношение [з + д']»; оно за пределами нормы и, по всей вероятности, встречается (не на стыке морфем) у литературно говорящих лиц лишь как уродливое исключение» (стр. 308).

Вопрос о соотношении системы и подсистем — больше фонологический, чем фонетический, однако он имеет непосредственное отношение к оценке фонетического строя современного русского языка. Теоретически вопрос об определении подсистем наиболее подробно рассматривается в названной статье М. Я. Гловинской. Прежде всего необходимо решить вопрос о том, какая именно подсистема обсуждается: идет ли речь о подсистеме слов или о подсистеме фонем? В статье М. Я. Гловинской рассматриваются обе эти подсистемы. Говоря о подсистеме редких слов, автор считает общим признаком, их объединяющим, необычность их произношения с точки зрения обычных литературных норм. Здесь речь идет скорее о некотором открытом перечне слов, характеризующихся своеобразным произношением, чем об упорядоченной системе. Однако даже если признать, что есть не просто перечень, а система (подсистема) редких слов, значит ли это, что имеется и система редких фонем?

Рекомендации автора по выбору критериев для определения принадлежности слова к системе или подсистеме (см. стр. 58) не подкреплены конкретными операциями — автор ссылается на отсутствие литературных данных о частотах встречаемости слов и фонем (имеющиеся частотные словари, статистики звуков и сочетаний звуков и слогов, сведения о соотношении субъективных и объективных вероятностях слов в расчет не принимаются). Обратимся к тем операциям, которые позволяют выявить в подсистеме редкие фонемы. Этих фонем М. Я. Гловинская насчитывает 22: <ш'>, <ж'>, <р'>, <к'>, <г'>, <х'>, <б'>, <п'>, <м'>, <ф'>, <д'>, <т'>, <т'>, <п'>, <н'>, <л'>, <л'>, <с'>, <с'>, <р'>, <к'> (стр. 62). Согласные <ш'>, <ж'>, <р'> встречаются в единичных словах (*пишут, жюри, бухгалтер*), согласные <к'>, <г'>, <х'> некоторыми исследователями включаются в систему фонем языка. Таким образом, основной

корпус «фонем подсистемы» составляют долгие согласные в заимствованных словах. Являются ли они самостоятельными фонемами или сочетанием двух соответствующих кратких фонем? М. Я. Гловинская решает этот вопрос несколько неожиданно: так как в основной системе фонем долгие правильнее толковать как сочетания фонем, ибо они встречаются на стыке морфем, в подсистеме лучше считать их долгими, «поскольку в ней подавляющая часть долгих приходится не на стык морфем» (стр. 68—69). Но ведь возможно и обратное заключение: так как в системе долгие согласные представляют собой сочетания фонем, то логично перенести такую их трактовку и на подсистему редких слов. Практически вывод автора о том, что долгое произношение двойных написаний согласных чаще встречается в тех случаях, когда имеются согласные, «которые возможны как двойные на стыке морфем в основной системе» (стр. 71), противоречит основному мотиву, по которому М. Я. Гловинская считает долгие согласные подсистемы монофонемными в отличие от бифонемных в основной системе. Стремлением найти объяснительные отличия подсистемы от системы, видимо, объясняется и неожиданное с фонетической точки зрения решение считать немаркированным членом в противопоставлении твердых и мягких согласных мягкий, а не твердый. Таким образом, выделение особой подсистемы фонем базируется на спорных положениях.

Рассмотренные вопросы принципиально важны для теории описания звучащей речи, для понимания сущности языковых единиц и отношений, которые определяют происходящие звуковые процессы и которые в свою очередь зависят от этих процессов. Поэтому нужно признать необходимым серьезное обсуждение всех этих вопросов в рамках разных направлений, существующих в отечественной фонетике.

Л. В. Бондарко

Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. — Л., изд-во «Наука», 1972. 431 стр.

Рецензируемая книга, созданная в группе Словаря русского языка XVIII в., составляемого ЮИ Института языкознания АН СССР, посвящена одной из актуальных для русского языка XVIII в. проблем. По богатству привлекаемого материала это пока первое и единственное исследование: всего здесь охвачено более

11 000 слов, извлеченных более чем из 500 источников разных жанров.

Книга состоит из краткого Предисловия (стр. 3—4), Введения (характеризующего проблему в целом, ее роль для изучения русского языка XVIII в. и состояние ее изучения, стр. 5—22), четырех основных глав и Приложения, содержащего «Хро-